

Архивные документы свидетельствуют, что проблема нехватки кадров в годы войны (1941–1945 гг.) решалась путем использования на врачебных должностях фельдшеров и фельдшеров-акушеров при условии обеспечения контроля над их работой со стороны врачей. Распространено было совместительство врачей, которое после войны заметно сократилось (30, л. 6).

После войны на Камчатке число работавших врачей постепенно увеличивалось. Медпункты сельской местности пополнялись кадрами за счет направления молодых специалистов в качестве участковых врачей-терапевтов в села. Ежегодно для работы в сельские районы Министерством здравоохранения СССР направлялось от 5 до 7 молодых врачей (31, л. 48). С 1983 г. началась подготовка молодых специалистов непосредственно в сельской местности, в КНО. Врачи-интерны сразу попадали в условия, в которых им предстояло работать в дальнейшем.

В области в течение десятилетий ощущался большой недостаток опытных врачей. Так, в области в 1948 г. – 45 % врачей – это врачи со стажем до трех лет (32, л. 6). Постепенно процент медицинских работников с небольшим стажем уменьшался. На 1972 г. в области 10 % от общего числа медицинского персонала составляли молодые специалисты (стаж до 3 лет) (33, л. 6).

Документы фондов указывают на существование хронической проблемы в кадровой политике здравоохранения области – текучести кадров. Так, в 1961 г. она составляла 60 % к прибывшим медицинским работникам, в 1969 г. – 73 %. Продолжительное время основные силы органов управления были направлены на поиск и реализацию решений по закреплению сотрудников здравоохранения на местах. Архивные источники сообщают: медицинские работники, проработав в сельской местности три года, переводились в городские медучреждения, отправлялись на учебу в клиническую ординатуру (34, л. 56). В 70-е гг. была организована подготовка медицинских работников по специальностям, которые допускали их взаимозаменяемость (35, л. 20). Уже к 1971 г. текучесть кадров уменьшилась и составила 19,4 % (36, л. 38–40), в 80-е гг. она составила 8 % от прибывших работников (37, л. 5). Текучесть медицинских кадров из сельских мест к середине 1980-х гг. практически не имела места. Такие позитивные изменения объясняются выбором верной политики в сфере закрепления кадров. В этой политике были и жесткие меры, например: одно из решений Облисполкома в 1970 г. не допускало увольнения врачей, особенно в отдаленных селах без соответствующей замены (38, л. 6, 215).

С увеличением численности медицинских работников (уже в начале 60-х гг. укомплектованность врачами выросла до 89 %, средними медицинскими кадрами осталась стабильной 87 %), с открытием медицинских пунктов удалось охватить медицинской помощью большую часть населения (39, л. 5). Перестали быть массовыми такие инфекционные заболевания, как дифтерия, полиомиелит, трахома и во много раз снижена заболеваемость туберкулезом, венерическими заболеваниями.

Таким образом, ценность сведений, которые содержит корпус архивных источников ГАКК по истории здравоохранения советского периода, подчеркивает необходимость широкого их использования в исследовании состояния здравоохранения региона и в целом социальной истории Дальнего Востока.

1. *Ахметова А. В.* Развитие системы здравоохранения и санитарно-гигиенического обслуживания традиционных этносов Дальнего Востока в 1950-е – первой половине 1960-х. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 4. С. 122–127; *Бубнис Г. К.* Социалистические преобразования в Корякском автономном округе. М., 1981; *Вегрова И. В.* Первые шаги в борьбе за охрану здоровья народов Крайнего Севера // Советское здравоохранение. 1973. № 2. С. 70–73; *Дьяченко Д. П.* Первый комиссар народного здравия Камчатки // Советское здравоохранение. 1965. № 4. С. 43–48; *Он же.* Вклад средних медицинских работников в развитие и оказание медицинской помощи населению Камчатки, 1920–1980-е гг. // Советское здравоохранение. 1987. № 8. С. 59–83; *Исаков А. В.* Развитие здравоохранения Дальнего Востока. Благовещенск, 1976; *Ткачева Г. А.* Медицинское обслуживание населения Дальнего Востока в 1941–1945 гг. // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917 – 50-е годы XX века : сб. науч. ст. Владивосток, 2004. Кн. 2. С. 150–171; *Широков А. И.* Государственная политика на Севере-Востоке России в 1920–1950-х гг.: опыт и уроки истории. Томск, 2009; *Щурак Б. Н.* Из истории здравоохранения в Камчатской области // Советское здравоохранение. 1962. № 5. С. 71–73; *Чикин С. Я.* Здравоохранение в Сибири и на Дальнем Востоке. М., 1979.

2. ГАКК. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 9.

3. Там же. Ф. Р-44. Оп. 1. Д. 4.

4. Там же. Ф. П-2. Оп. 46. Д. 4.

5. Там же. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 311.

6. Там же. Д. 75.

7. Там же. Д. 230.

8. Там же. Д. 229.

9. Там же. Д. 627.

10. Там же. Д. 503.

11. Там же. Ф. Р-88. Оп. 4. Д. 664.

12. Там же. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 251.

13. Там же. Ф. Р-88. Оп. 4. Д. 1104. Л. 16.

14. *Власов С. А.* Уровень и тенденции развития благосостояния трудящихся Дальнего Востока России в 70–80-е гг. Владивосток, 1992.

15. ГАКК. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 78.

16. Там же. Оп. 4. Д. 2145.

17. Там же. Оп. 1. Д. 900.

18. Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. : стат. ежегодник. М., 1990.

19. ГАКК. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 1384.

20. Там же. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 207; Там же, Д. 145. Л. 12; Там же, Д. 280.

21. Там же. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 46.

22. Там же. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 30.

23. ГАКК. Ф. Р-683. Оп. 2. Д. 473.

24. Там же. Д. 279а.

25. Там же. Д. 1384.

26. ГАКК Ф. Р-553. Оп. 1. Д. 141.

27. Там же. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 291.

28. Там же. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 13.

29. Там же. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 279а.

30. Там же. Д. 75.

31. Там же. Д. 1140.

32. Там же. Д. 75.

33. Там же. Д. 461.

34. Там же. Д. 1278.

35. Там же. Д. 320.

36. ГАКК. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 455.

37. Там же. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 1081.

38. Там же. Ф. Р-88. Оп. 4. Д. 138.

39. Там же. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 72.

Б. Н. Комиссаров
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И РЕФОРМАТОР КАМЧАТКИ
Г. И. ЛАНГСДОРФ (1774–1852)
В ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ И ЕГО ПАЦИЕНТЫ

О Г. И. Лангсдорфе, как правило, говорят и пишут как о естествоиспытателе, этнографе, страноведом, путешественнике, дипломате, ученике и последователе немецких просветителей (1) но упускают из вида, что он был доктором медицины Геттингенского университета, активно практиковавшим врачом, причем весьма известным. Далеко не случайно, что его имя фигурирует в справочниках, содержащих имена знаменитых медиков «всех времен и народов» (2). Однако фигурирующая там информация о нем касается главным образом общепрофильных сведений и в незначительной степени трактует его деятельность в области медицины. Тема «Лангсдорф – врач» не исследовалась, и данная статья является лишь первой попыткой к ней подойти.

Не в пример нынешней эпохе, когда существуют сотни медицинских специальностей, бесчисленные и тончайшие методы диагностики болезней и огромный арсенал фармакологических средств, врач времен Лангсдорфа должен был быть фактически энциклопедистом в своей сфере, и его деятельность во многом была сродни искусству, искусству врачевания.

В Геттингенском университете учителем и наставником Лангсдорфа был крупный анатом, физиолог, разносторонне образованный естествоиспытатель Иоганн Фридрих Блуменбах. Всемирную известность он заслужил главным образом как антрополог и основатель науки о черепе –

краниологии. Собранная им коллекция черепов была крупнейшей из существовавших в то время. В 1797 г. Лангсдорф защитил диссертацию о повивальном искусстве (3) и, видимо не без протекции Блуменбаха, был приглашен в качестве лейб-медика к одной немецкой влиятельной персоне – принцу Христиану Августу фон Вальдеку.

Профессиональный военный, боевой генерал, Вальдек в 1760–1790-х гг. участвовал во многих сражениях и ко времени знакомства с Лангсдорфом перенес серьезное ранение: в 1792 г. французское 16-фунтовое ядро оторвало ему левую руку. Нового лейб-медика ему рекомендовали в связи с приглашением португальского двора принять верховное командование армией этой страны. Так, 23-летний доктор медицины оказался в Лиссабоне. Однако служба у принца оказалась недолгой. В сентябре 1798 г. тот умер от «грудной водяной болезни», явившейся следствием ранения. Вопрос о причинах скопления жидкости в теле больного с той поры стал привлекать особое внимание Лангсдорфа.

Лиссабон он не покинул, а занялся частной медицинской практикой и вскоре приобрел немало пациентов в немецких, английских и португальских домах. Это было неудивительно, так как молодой врач одним из первых начал практиковать оспопрививание, только что открытое англичанином Э. Дженнером и ставшее европейской сенсацией. В 1800 г., не прерывая частной практики, Лангсдорф стал врачом находившегося в Лиссабоне немецкого госпиталя и получил предложение от правительства страны написать книгу о правилах организации образцовых больниц. Европейские больницы того времени нередко содержались в очень плохом санитарном состоянии, население их избегало, и потребность в такого рода сочинениях была велика. Книга Лангсдорфа, написанная на португальском языке, которым он к тому времени свободно владел, содержит сведения о родильных домах, военных и военно-морских госпиталях, психиатрических лечебницах, больницах для лечения оспы и венерических болезней. Основное внимание Лангсдорф уделил все же больницам общего типа. Особые главы он посвятил конструктивным особенностям зданий таких больниц, гигиене больничных помещений, способам очистки воздуха, диетическому питанию, ведению больничного хозяйства и т. п. В книге были помещены даже образцы бланков для записей, касающихся историй болезни пациентов, наблюдений погоды и других (4). Одновременно Лангсдорф выпустил на немецком языке книгу, связанную по теме с его докторской диссертацией (5).

Медицинская практика Лангсдорфа в Португалии была весьма разносторонней, включая, в частности, и область психиатрии. Из дневника лейтенанта Е. Е. Левенштерна, спутника ученого по плаванию на корабле «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна, мы узнаем, например, что в те годы Лангсдорф однажды «нанялся на службу к сумасшедшему португальцу, поехал с ним в Англию, а оттуда снова в Лиссабон» (6).

Весной 1801 г. Португалия, с начала 40-х гг. XVII в. тесно связанная с Англией, подверглась нападению со стороны Испании, которая со времен Базельского мира 1795 г. была в союзе с Францией. Несмотря на помощь англичан, португальская армия была разбита в несколько дней. В июне в Бадахосе, а в сентябре в Мадриде были подписаны крайне невыгодные для Португалии мирные соглашения с Испанией и Францией. Однако располагавшийся близ Лиссабона шеститысячный английский корпус стал готовиться к походу в Испанию. В него-то в качестве «старшего хирурга» (7) и вступил Лангсдорф. В Испании он пробыл до весны 1802 г. О подписании 15 (27) марта Амьенского мирного договора, положившего конец военным действиям между Англией, с одной стороны, и Францией с ее союзницами Испанией и Батавской республикой (так именовались с 1795 г. Нидерланды) – с другой, Лангсдорф узнал уже по возвращении в Лиссабон, который окончательно покинул в начале 1803 г. после расформирования английского корпуса в Португалии.

Несколько эпизодов и даже периодов, связанных с медицинской деятельностью Лангсдорфа, приходится на время его кругосветного путешествия в 1803–1808 гг. После ухода в конце января 1804 г. кораблей Крузенштерна с бразильского о. Санта-Катарина, где они простояли полтора месяца, некоторые участники экспедиции стали ощущать неблагоприятные последствия своего шестинедельного пребывания в бразильских тропиках. Например, в своем упоминавшемся выше дневнике Левенштерн 31 января (12 февраля) 1804 г. отметил: «Простуды, болезни желудка и нарывы у нас на корабле в распорядке дня», а днем раньше он сделал такую запись: «Граф Толстой заполучил в Бразилии червей [паразитов], которые [проникают под кожу] ног и называются “бишу” (Bischu) [bicho (португ.) – червь; Лангсдорф считал, что это блоха (*Dermatophilus penetrans*). – Б. К.]. Они такие маленькие, что залезают в поры человека, вгрызаются в кожу и откладывают неисчислимое количество мелких яиц, которые, если их вовремя не вырезать, вызывают на ноге многочисленные нарывы. Последние мешают при ходьбе неграм, ведь те ходят босиком, и причиняют им сильные боли. Лангсдорф оперировал графа Толстого и вырезал бесчисленное множество яиц» (8).

Подпоручик граф Федор Иванович Толстой (1782–1846) (двоюродный дядя писателя) путешествовал в качестве кавалера российского посольства в Японию во главе с камергером Н. П. Резановым (1764–1807). Получив впоследствии прозвище Американец, он приобрел широкую и очень неоднозначную известность в русском обществе и особенно в его литературных кругах. Отчаянно смелый офицер, герой Русско-шведской (1808–1809 гг.) и отечественной (1812 г.) войн, умный, широко образованный, по своему талантливый человек, умевший беззаветно дружить и расположивший к себе многих великих творцов золотого века русской литературы, Ф. И. Толстой в то же время, по выражению П. А. Вяземского, был «на свете нравственным загадкой», отличался взрывным темпераментом, подчас буйным нравом, эпатировал и фразировал современников как жестокий и стрелявший без промаха дуэлянт, нечистый на руку картежник, интриган, явно неумеренный гурман и любитель спиртного... Впрочем, нельзя отрицать и того, что порожденные им легенды немало усугубляли его отрицательные черты. В 20-х гг. позапрошлого века Ф. И. Толстой был на волосок от дуэли с Пушкиным, а затем, помирившись с ним, стал посредником при сватовстве поэта к Н. Н. Гончаровой. Его хорошо знали В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, Д. В. Давыдов, упомянутый выше Вяземский, Е. А. Баратынский, П. Я. Чаадаев, А. С. Грибоедов, А. И. Герцен и многие другие, причем знали так, что он являлся в какой-то мере частью их жизни, а они – его. Ироническую характеристику Толстого мы находим в комедии «Горе от ума». Автор вложил ее в уста Репетилова. Пушкин упоминал Толстого в послании «Чаадаеву» и «Путешествии в Арзрум», его чертами наделен Сильвио из «Выстрела» и Зарецкий из «Евгения Онегина». Психологический портрет Американца есть в знаменитых «Былом и думах». Им навеяны образы Льва Толстого – Турбина («Два гусара») и отчасти Долохова («Война и мир»). Так, Лангсдорф во время плавания от Копенгагена, где он ступил на борт «Надежды» в качестве натуралиста, до Камчатки приобщился к одной из примечательнейших фигур российского общества, частью которого ему еще предстояло стать. Правда, это знакомство долго не продлилось. В Петропавловске Крузенштерн распорядился списать Толстого на берег, поскольку он был признан «главной пружиной» всех беспорядков, случившихся в ходе экспедиции (9).

Разумеется, не все и не всегда у Лангсдорфа-врача получалось. В Нагасаки, во время более чем шестимесячного и безуспешного ожидания посольством Резанова установления русско-японских дипломатических отношений, случилось, к слову, такое драматическое происшествие. С миссией камергера на «Надежде» прибыли пятеро японских моряков, еще в 1789 г. потерпевших кораблекрушение у берегов России. Поскольку они содержались при посольстве под строгим караулом, как пленные, один из них, 34-летний Тазуро, опасаясь кары японских властей за многолетнее пребывание вне пределов своей страны, стал страдать от жестокой депрессии и решился на самоубийство. Завладев кухонным ножом и пытаясь перерезать себе горло, он был остановлен вмешавшейся охраной, но отсек себе язык. Рана Тазуро не угрожала его жизни, но ни говорить, ни есть он не мог (10). Судовой врач «Надежды» Карл Эспенберг и Лангсдорф, несмотря на все старания, оказались бессильны помочь несчастному. Спас Тазуро японский доктор Косаи Йошу. В результате предпринятого им лечения его пациент после тридцатидневного голодания смог впервые принять пищу.

По возвращении «Надежды» в июне 1805 г. на Камчатку, Резанов, уполномоченный осуществить ревизию деятельности Российско-Американской компании, готовился отправиться в ее владения, но, нуждаясь в помощи врача, всячески уговаривал Лангсдорфа ехать вместе. Однако последний колебался: Резанов был ему неприятен. И все же ученый решил ехать: «Слепая любовь к естественной истории, неоднократные обещания помощи в научных исследованиях и жажда знаний заставили меня согласиться на путешествие с Резановым к северо-западному побережью Америки», – писал позднее Лангсдорф Блуменбаху (11). Через несколько дней после прибытия в Петропавловск, 14 июня на «неуклюжем охотской постройке» бриге «Мария», Лангсдорф подписал с Резановым контракт о своем участии в этом путешествии.

Условия контракта были для Лангсдорфа весьма выгодны. Он должен был вести естественнонаучные наблюдения в Северо-западной Америке и на близлежащих островах, собирать коллекции для Академии наук, описывать посещаемые места, «судить об их богатстве или бедности». С другой стороны, русское правительство или Российско-Американская компания (РАК) обязывались обеспечить его продуктами питания, одеждой по петербургским ценам, снаряжением, предоставлять проводников, суда, а в случае болезни – лечить за казенный счет. В помощь путешественнику давался охотник Петр Филиппов. В любом месте Лангсдорф мог находиться так долго, как требовали его исследования, и имел право в любое время уехать из Америки. С августа 1803 г. Лангсдорфу полагалось жалование – 2 тыс. руб. в год... Тогда ученый не подозревал, что он был

важен для Резанова исключительно в качестве личного врача и отчасти переводчика, а отнюдь не как исследователь.

С июня 1805 по июнь 1806 г. Лангсдорф под началом Резанова побывал на островных владениях РАК и в Калифорнии. К чему конкретно свелись его врачебные функции, мы не знаем, но очевидно, что он, как мог, стремился облегчить тяжелую зимовку в столице РАК Новоархангельске, а затем очень непростое, продолжавшееся более месяца плавание оттуда в Сан-Франциско, когда один из его участников умер, а другие, заболевшие цингой, находились между жизнью и смертью. Во время почти трехмесячного пребывания в Испанской Америке ученый вопреки контракту постоянно использовался Резановым как переводчик и сталкивался с вопиющим невниманием к своей исследовательской работе, а подчас и откровенной недоброжелательностью. Гербарная бумага оказывалась погребенной на дне трюма, сушившиеся на палубе шкурки сбрасывались в море, пойманных птиц выпускали на волю, стреляной птице ночью отрывали головы и т. д. Неудивительно, что по возвращении в Новоархангельск Лангсдорф поспешил с Резановым расстаться.

В итоге этот пациент Лангсдорфа принес России много больше вреда, чем пользы. После провала дипломатической миссии в Японию он на свой страх и риск, стремясь наказать несговорчивый сегунат, спровоцировал в 1806–1807 гг. подчиненных ему лейтенанта Н. А. Хвостова и мичмана Г. И. Давыдова дважды ограбить и сжечь японские фактории на Сахалине и Курильских островах, что впоследствии, в 1811–1813 гг., повлекло за собой пленение японцами на о. Кунашир В. М. Головинина. Впрочем, сам знаменитый мореплаватель, стоически выдержав 26-месячное пребывание в неволе и много раз рисковавший жизнью, отзывался о Резанове иронически-снижительно: «Он (Резанов. – Б. К.) был человек скорый, горячий, затейливый писака, говорун, имевший голову, более способную созидать воздушные замки, чем обдумывать и исполнять основательные предначертания и вовсе не имевший ни терпения, ни способности достигать великих и отдаленных видов; впоследствии мы увидим, что он наделал компании множество вреда и сам разрушил планы, которые были им же изобретены» (12).

В сентябре 1806 г. Лангсдорф уже в третий раз прибыл на Камчатку и занялся планомерным исследованием полуострова, в частности, в январе-марте 1807 г. совершил большое путешествие на собачьих упряжках по всему его обитаемому пространству, а в мае отплыл в Охотск. Оттуда ученый предпринял сухопутное путешествие через всю российскую Евразию в Петербург. По пути, из Иркутска, он в октябре 1807 г. отправил министру коммерции Н. П. Румянцеву подробную, аргументированную записку с описанием Камчатки и предложением необходимых для нее реформ. Среди его многочисленных рекомендаций были и связанные с поддержанием здоровья местного населения. Например, он считал необходимым доставлять на полуостров «черный флер для противомоскитных сетей, чтобы удерживать москитов и для защиты глаз при сильном слепящем солнце». «Из-за отсутствия их (а также вследствие) небрежения к ввозу подобных мелочей, – объяснял Лангсдорф, – большинство камчадалов страдает воспалением глаз и слепотой» (13). Перечисляя, кого следует пригласить на полуостров для постоянного там жительства, он указывал: «Врача и хирурга, известного своим своим столетним опытом, чье, усердие, знания и характер были бы общепризнаны. Аптекарь, который обладает хорошими знаниями в ботанике и химии, благодаря чему он смог бы подробнее исследовать естественные продукты и обработать их для пользы страны. Так, например, прекратилось винокурение на Камчатке из ягод и особенно из так называемой сладкой травы (*Heracleum sibiricum* Lin.), которое уже давно было известно, и из-за недостатка в самых обычных экономических и химических знаниях не могут сделать себе даже уксус» (14).

По прибытии в марте 1808 г. в российскую столицу Лангсдорф был определен в Петербургскую Академию наук адъюнктом по ботанике, но о его медицинских познаниях вскоре вспомнили. Министр народного просвещения П. В. Завадовский, видимо, по просьбе Румянцева, обратился к академической конференции с предложением послать нового адъюнкта в Среднюю Азию. Лангсдорф должен был сопровождать в качестве врача торговый караван, отправлявшийся из Оренбурга в Самарканд и Бухару. В середине октября ученый уже был в расположении каравана, но поход, задуманный в Петербурге для поисков в условиях континентальной блокады Англии сухопутных подступов к Индии, был Лондоном сорван.

Зато другим планам Лангсдорфа суждено было осуществиться. Свои предложения по реформированию управления Камчаткой он изложил не только в записке Румянцеву в Иркутске, но и в беседах с генерал-губернатором Сибири И. Б. Пестелем в Тобольске в декабре 1807 – феврале 1808 г., а также на заседаниях созданного в январе 1811 г. в Петербурге правительственного «Комитета для внутреннего устройства Камчатской, Охотской и Якутской областей». В результате, в апре-

ле 1812 г. Александр I утвердил «Новое положение о Камчатке», в котором были учтены многие предложения Лангсдорфа и, в частности, санкционирован перенос столицы полуострова из Нижнекамчатска в Петропавловск (15).

1812 г. явился знаменательной и переломной вехой как для России, так и для Лангсдорфа. После бегства в 1807 г. лиссабонского двора в Рио-де-Жанейро и оккупации Португалии наполеоновскими войсками петербургское правительство вопреки недовольству Англии и Франции объявило в мае 1810 г. о легализации русско-бразильской торговли и в следующем году учредило в азиатской столице династии Браганса свое генеральное консульство. Возглавить его Румянцев, тогда уже канцлер, и поручил в 1812 г. Лангсдорфу. Очарованный бразильской природой еще в 1803–1804 гг., ученый в свое время сам просил его об этом. В марте 1813 г. он прибыл в Рио-де-Жанейро.

Потрясающая жизненная энергия и общественная активность Лангсдорфа побудили его в созвучии с переживаемой в то время Бразилией настоящей экспансией европейского научного знания создать близ Рио-де-Жанейро уникальный, просуществовавший целое десятилетие (1816–1826 гг.) центр под названием Мандиока. Он располагался на землях, приобретенных Лангсдорфом через три года после прибытия к месту службы приблизительно в 70 км от столицы общей площадью 25 км². Покупка обошлась ему примерно в 20 тыс. руб. Человек скромного достатка, живший на консульское жалование, Лангсдорф, уже находясь в Бразилии, получил от скончавшегося дяди со стороны матери, доктора Коха, значительное наследство, радикально улучшившее его финансовое положение и позволившее осуществить ряд научных и общественно значимых проектов.

В Мандиоке, по отзывам очевидцев, находились «каменный дом и другие строения приятной архитектуры», ботанический сад, «собрание насекомых, млекопитающих, птиц и гербарий в своем роде единственный», библиотека «из книг отборных по всем отраслям наук», «огромный грот вместимостью на 50 человек, где были собраны чудеса неорганической природы» – иными словами своеобразный минералогический музей, а главное, что нас интересует в соответствии с темой данной статьи, там находился госпиталь, где Лангсдорф, в связи с крайней нехваткой в Бразилии людей его профессии, лечил всевозможные болезни (16). Об этом госпитале мы знаем не только из письменных источников. В конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века бразильский археолог Т. Андради, получив специальный грант, вел в Мандиоке раскопки и обнаружила много медицинской посуды и других предметов госпитального назначения (17).

В марте 1822 г. Лангсдорф, заручившись в Царском селе личным согласием Александра I взять под свое покровительство организованную им экспедицию в центральные районы Бразилии, прибыл с некоторыми ее участниками, супругой Вильгельминой и другими родственниками из Бремена в Рио-де-Жанейро. На корабле «Дорис», доставившем путешественников из Европы, находились кроме того около двух десятков семей немецких колонистов, приглашенных ученым за свой счет на земли Мандиоки. Всего на «Дорис» было 94 человека, и все они прибыли в полном здравии. Это являлось замечательным достижением Лангсдорфа-врача (18): прежние попытки доставить в начале XIX в. партии европейских переселенцев в бразильскую столицу для многих из них заканчивались преждевременной смертью.

Настоящей энциклопедией, посвященной Бразилии начала XIX в., являются экспедиционные полевые дневники Лангсдорфа 1824–1828 гг., опубликованные в Бразилии в переводе с немецкого на португальский язык в 1996–1998 гг. и охватывающие маршруты по современным штатам Минас-Жерайс, Сан-Паулу, Мату-Гросу-ду-Сул и Мату-Гросу (19). В них содержится и обширный материал медицинского характера. Самое пристальное внимание Лангсдорф уделил бразильской народной медицине, методикам использования ею богатейшей местной флоры при лечении целого ряда распространенных в стране заболеваний. В публикации указаны местные названия лекарственных растений, приведенные ученым, а также их латинские эквиваленты. Многие из предложенных Лангсдорфом рецептов, очевидно, не утратили своего значения до сих пор (20). Ученый нередко встречался со случаями заболевания оспой и, памятуя о своей упоминавшийся лиссабонской практике, старался помочь страждущим, горько сожалея, если в полевых условиях при нем не оказывалось противооспенной вакцины. Иногда Лангсдорф указывал своих информаторов по медицинским вопросам. Среди них были, например, аптекарь Домингос Жозе Мартинс Гимараэс и фазендейро Жоакин да Коста Вианна. Первого он встретил в окрестностях г. Сан-Жуан-дел-Рей, второго – близ г. Сабара в провинции Минас-Жерайс (21).

Между тем, наибольший интерес и внимание Лангсдорфа привлекло лекарственное растение из семейства мареновых – *Chiococca racemosa* L. f. *Anguifuga* Martii, известное в Бразилии под многими местными названиями (инкрузадинья, паратудо, раис прета (португальский черный ко-

рень. – Б. К.), но в основном как каинка. Корень каинки использовался как эффективное средство лечения водянки. Из европейских исследователей на него впервые обратили внимание немецкий геолог, одноклассник Лангсдорфа по Геттингенскому университету Вильгельм Людвиг фон Эшвеге, путешествовавший по Бразилии в 10-х гг. XIX в., а затем поступивший там на португальскую службу и члены австро-баварской экспедиции зоолог Иоганн Спикс и ботаник Карл Мартиус, совершившие экспедицию в 1817–1820 гг. (22). Однако в европейскую медицину каинку ввел, несомненно, Лангсдорф, не забывший о непосредственной причине кончины своего первого пациента принца Христиана фон Вальдека (23). О корне *Chiococca* (каинка) Лангсдорф писал в Петербургскую Академию наук 2 мая 1825 г., 2 февраля и 11 октября 1826 г., 2 апреля 1827 г.; сохранились письма путешественника на эту тему министру иностранных дел К. В. Нессельроде, российскому вице-консулу в Рио-де-Жанейро П. П. Кильхену, президенту провинции Мату-Гросу Ж. С. да Коста Перейре, запись в протоколе № 29 Конференции АН, переписка 15–16 мая 1829 г. между управляющим Министерством иностранных дел П. Г. Дивовым и директором Петербургского Ботанического сада Ф. Б. Фишером о присылке Лангсдорфом ящика с семенами и корнем каинки (24). До нас дошло много рукописей Лангсдорфа 1825–1827 гг. о лечебных свойствах и применении каинки. На одной из рукописей Лангсдорфа приклеен маленький конверт, содержащий порошок пока неизвестного происхождения. Очевидно, это истолченный корень каинки. Он отправлял целебный корень коллегам-врачам: др. Диксону (в Англию), др. Опперману (во Францию), др. Клюге (в Берлин), др. Реману (в Россию), в компанию «Моллер и сын» (в Лиссабон) (25). Есть у него и две публикации об этом растении (26). Экземпляры *Chiococca racemosa* можно найти в гербарии Ботанического института РАН.

В медицинской практике Лангсдорфа в Бразилии был также и еще один аспект, зримо напоминавший о существовании в этой стране позорного института рабства. Чернокожие невольники (особенно недавно доставленные с африканского побережья) чрезвычайно тяжело переживали свою участь, нередко впадали в депрессию и пытались покончить с собой. Однако, не имея под рукой ничего подходящего для исполнения своего замысла, принимались есть землю. Об этом страшном обычае писал, например, лейтенант корабля «Сенявин» Николай Завалишин, побывавший в Рио-де-Жанейро (27). Так что Лангсдорфу по просьбе хозяев фазенд часто приходилось промывать рабам желудки.

В июне 1826 – январе 1827 г. Лангсдорф впервые с научными целями предпринял плавание по рекам из г. Порту-Фелис (провинция Сан-Паулу) в главный город провинции Мату-Гросу Куябу. Всего на восьми лодках разного назначения разместилось 35 человек, включая участников экспедиции, проводника, лоцмана, охотников и гребцов. Ученый пригласил участвовать в этом достаточно рискованном предприятии и свою вторую жену Вильгельмину, вероятно, первую европейскую женщину, отправлявшуюся в бразильские тропики по маршруту, насчитывавшему тысячи километров. Впрочем, это плавание оказалось очень трудным далеко не только для последней. Плавание по рекам в тропиках часто превращались для европейцев, особенно при тогдашней технической и прочей оснащенности, в настоящую пытку. Удушливая жара, тучи кровососущих насекомых, укусы которых вызывали мучительную чесотку, всепроникающая сырость периода дождей, неизвестные тропические недуги, пейзажи или удручавшие монотонностью течения мутных, несущих гниющие растения и останки животных рек, взятых, как в клещи подступающими к самой воде непролазными лесами, или наводившие страх мощными водопадами, у которых тяжелые набитые битком лодки приходилось неизменно разгружать и обносить берегом.

Между тем, при всем этом необходимо было работать, много, напряженно, практически неустанно. Путешественник во времена Лангсдорфа был тружеником науки, посвятившим себя анализу и обобщению всего, что окружало его при следовании по избранному маршруту. Он должен был «все заметить и не пропустить ничего», как писал однажды ученый. А затем все замеченное предстояло как бы «пропустить» через свое сознание, сведения, накопленные ранее, толщу жизненного опыта. Ландшафты, минеральные ресурсы, климат, природные катаклизмы, растительный мир, многообразие фауны, хозяйственная деятельность населения, его антропологические, этнические, социальные характеристики, а также духовная культура, языки, нравы, обычаи, болезни, архитектура городов и селений, инвентарь всех назначений, оружие, дороги и конструкции мостов, виды транспорта – все перечисленное и многое другое было необходимо, ни в коем случае не полагаясь на память, как-то зафиксировать. И это осуществлялось в виде рисунков, чертежей, карт, планов, схем, списков, словарей, конспектов, копий, этнографических сборов, гербариев, карпологических (образцы древесины, плоды и семена), энтомологических, ихтиологических, герпетологических, орнитологических, маммалогических коллекций. Подготовка и сохранение коллекционных материалов

требовали огромных усилий, постоянного и пристального внимания: шкуры и шкурки животных обрабатывались специальными химическими составами, целые природные объекты и отдельные препараты заспиртовывались, усыпленные и высохшие насекомые оберегались от тряски и любых внешних воздействий. Однако главным способом фиксации всего и вся оставались записи в полевом дневнике. А делались они, как правило, в позднюю вечернюю пору, а то и ночью, когда силы путешественника были уже на исходе.

Поэтому неслучайно некоторые спутники Лангсдорфа, например художник Адриан Тонэй, погружались в депрессию, другие, скажем, как другой художник Эркуль Флоранс, становились чрезмерно резкими при общении. Нервы у всех были напряжены. В начале сентября 1826 г., когда экспедиция с большим трудом поднималась по порожистой Риу-Парду, Лангсдорфа стало беспокоить состояние астронома и картографа, молодого офицера корпуса флотских штурманов, рекомендованного ему Головинным, Нестера Рубцова. Ранее всегда подтянутый, исполнительный и трудолюбивый, он пребывал в мрачном настроении, избегал общения со своими спутниками и выглядел явно нездоровым. Вечером 5 сентября, когда путешественники собрались ужинать, выяснилось, что Рубцов пропал. Все не на шутку забеспокоились. Он ушел от экспедиционной стоянки один, не зная местности, не взяв ничего из одежды и продовольствия. Небольшой кривой нож и топор составили всю его «экипировку». Астронома нашли лишь на следующий день. Мучимый мыслью, что все его ненавидят и презирают, он отошел уже более чем на 15 км и собирался продолжать путь в одиночестве. Лангсдорф потратил немало сил, чтобы вернуть ему спокойствие и работоспособность. «Г-н Рубцов, слава Богу, чувствует себя лучше после полученных им от меня внушений и советов», – с удовлетворением записал ученый в своем дневнике 11 сентября (28). Лангсдорф тогда, несомненно, спас Рубцова. Если бы не успех организованных им поисков астроном бы неизбежно погиб в бесконечных бразильских лесах, да и случайно найденный он оказался бы лишенным возможности продолжать свою деятельность. О значимости сделанного им руководителем экспедиции тогда, конечно, не догадывался.

Между тем, 27-летний выпускник Штурманского училища Балтийского флота Нестер Гаврилович Рубцов (1799–1874) первым в мире картировал территорию Бразилии от Рио-де-Жанейро до Белена в устье Амазонки. В конце 1829 – начале 1830 г. он представил в картографическое депо морского министерства подготовленные им генеральную карту и 27 карт отдельных маршрутов экспедиции Лангсдорфа, составивших в целом около 16 тыс. км, а также 8 выполненных в цвете планов бразильских населенных пунктов. Более 130 лет они считались утраченными, но в начале 60-х годов прошлого века были обнаружены, а в 2010 г. опубликованы и представлены на грандиозной восьмимесячной российско-бразильской выставке «Экспедиция Лангсдорфа» в Сан-Паулу, Бразилия и Рио-де-Жанейро (29).

На опубликованных ранее картах Южной Америки, например А. Арроусмита и Г. Г. Рейхарда, Бразилия была нанесена настолько схематично, что это не давало даже приблизительного представления о ее географии (30). В то же время карты Рубцова содержат огромное количество информации, которую можно впоследствии использовать в самых разных отраслях знания. На картах обозначено местонахождение гор, горных цепей, хребтов и холмов, рек (вплоть до самых малых, и даже ручьев) с их многочисленными притоками, поворотами, порогами, водопадами, островами, мелями и отдельными деревьями по берегам, а также морских заливов, лесов, озер, естественных гротов. Рубцов с большой тщательностью нанес на свои карты расположение городов и селений разной величины, мест расселения индейских племен, но далеко не только это, а и фазенды, мануфактуры (разного назначения), прииски, отдельно стоявшие дома, склады, лавки, церкви, часовни, монастыри, крепости, мосты, заставы, пограничные знаки, горные телеграфы, вплоть до рыбацких хижин, располагавшихся близ уездов рек. Координаты рамок карт часто сообщаются Рубцовым с точностью до сотых долей секунды и уж во всяком случае, до секунды. Номенклатура карт воспроизведена на португальском языке, но кириллицей. На них насчитывается 1 372 природных и рукотворных объекта, из которых 842 топонима и 530 объектов, лишенных названий. Эти карты имеют уникальное значение для изучения разных аспектов (физического, политического, демографического, экономического) исторической географии Бразилии, ее исторической топонимики, этнографии, социально-экономической истории страны; они бесценны для исследований в области экологии природы, хозяйства и культуры. Рубцову принадлежат и красочные планы городов Нова-Фрибургу (штат Рио-де-Жанейро), порта Сантус и железодельательной мануфактуры в Ипанеме (штат Сан-Паулу), Куябы, Вилла-Мария (ныне Касерес), Ипокон (Поконе, или Сан-Педру-дел-Рей) и Диамантину (штат Мату-Гросу). Легенды планов составлены на русском языке. То, что Рубцов

начертил планы именно этих мест, не случайно. Один из первых центров европейской иммиграции в Бразилию, посещенный Лангсдорфом в 1822 г., не известные в Европе города провинции Мату-Гросу, включая ее столицу, крупнейший порт страны, предтеча тяжелой промышленности не только Бразилии, но и Южной Америки в целом – все эти объекты должны были привлечь тогда определенный интерес. Эти планы – источник по исторической топографии, истории экономики Бразилии и ее градостроительства. Исследование наследия Рубцова способствовало ныне появлению его имени, наряду с именем Лангсдорфа, в школьных учебниках географии. Это означает высокое общественное признание научных заслуг астронома и картографа, его выдающейся просветительской роли (31). Посетители упомянутой выставки бывали потрясены, когда ее устроители накладывали на план местного населенного пункта, снятого Рубцовым, изображение того же объекта, полученное при съемке из космоса: совпадение оказывалось абсолютным. Не найдись карты Рубцова, был бы во многом осложнен бразильский этап международного культурно-экологического проекта «Лангсдорф – XXI век», который начинается на Камчатке в 2014 г. (32).

Работа экспедиции в провинции Мату-Гросу, на Бразильском нагорье с его относительно здоровым континентальным климатом с января 1827 по март 1828 г. оказалась для ее участников многократно более благополучной, чем последующее плавание в Амазонию в период дождей, тем более, что у них были в то время постоянные места базирования (Куяба, Гимараэнс, Вилла-Мария), а маршруты носили радиальный характер.

Чтобы обследовать большую территорию, Лангсдорф разделил экспедицию на два отряда. Ботаник Людвиг Ридель и Тонэй должны были достичь Амазонки по рекам Гуапоре, Маморе и Мадейре, а Лангсдорф, Рубцов и Флоранс – по Аринусу, Журуэне и Тапажосу. Ридель был вынужден отправиться в плавание один, так как Тонэй в начале января 1828 г. по собственной неосторожности утонул в р. Гуапоре, а отряд Лангсдорфа из-за нераспорядительности местных властей до самого конца марта задержался с отплытием в местечке Порту-Велью у самого уреза бразильской сельвы, в местности, зараженной тропической лихорадкой. Ближайшей целью отряда Лангсдорфа был г. Сантарен на Амазонке. Еще в мае 1827 г. Лангсдорф с караваном купца итальянского происхождения Жозе Анжелини отправил в Рио-де-Жанейро Вильгельмину, находившуюся на шестом месяце беременности.

4 апреля Лангсдорф впервые после отправления из Порту-Велью перенес сильный приступ лихорадки. Он немедленно начал себя лечить, скрупулезно описывая в дневнике принятые меры и свое самочувствие. В утреннее, вечернее и ночное время ученый теперь не расставался с шерстяной шапкой, чтобы хоть как-то предохраниться от всепроникающей сырости. Впрочем, времени и сил для самолечения оставалось немного. Людей, нуждавшихся в его срочной помощи, становилось все больше. «Число больных увеличилось, – писал Лангсдорф в этот же день. – Рубцов, противник хины, остается в прежнем положении. Каждую ночь у него начинаются припадки озноба, затем – жар и к полудню – лихорадка, волнение пульса при отсутствии пота» (33). Во время остановок Лангсдорф приказывал быстро ставить большую палатку, которая тут же превращалась в госпиталь. Ученый раздавал хину, слабительное, рвотное и особое местное противохородачное средство. Последнее он приготавливал из табака, соли, испанского перца, уксуса, водки, пороха и медного купороса. Этой дьявольской смесью смазывали анальное отверстие. «Говорят, что без этого средства против лихорадки люди здесь умирали бы в огромном числе», – писал Флоранс еще во время пребывания в Порту-Велью (34).

Приступы лихорадки повторялись теперь у Лангсдорфа почти ежедневно. Он стремился как можно плодотворнее использовать время, когда болезнь ненадолго отступала. «Сегодня с утра я был занят разными делами, – отмечал он в дневнике 9 апреля. – Несколько новых рыб. Один прекрасный экземпляр Расу, который я назвал Расу-Агипос. Я положил сушить только несколько растений. Взял урок языка (индейцев. – *Б. К.*) апиака и чувствовал себя хорошо часов до двух дня, когда снова подвергся злосчастному приступу холодной лихорадки, продолжавшемуся до самой ночи...» И на следующий день: «Эту лихорадку здесь лечить, конечно, труднее, чем где бы то ни было, потому что причина ее остается неизменной: испарение и впитывание гнилостных веществ происходит везде, где ступают на берег... Как могут лучшие лекарства в таких условиях приносить пользу?» (35).

К сожалению, действие лекарств затруднялось и другим существенным обстоятельством. Сопrotивляемость к болезням организма Лангсдорфа была подорвана его тяжелым психологическим состоянием, чувством глубокой неудовлетворенности, нет, не научной (экспедиция собрала колоссальный по объему и значимости материал!), а его общественной деятельностью в Бразилии, помноженной на естественную усталость, ведь из своих 54 лет ученый 31 год (!) (с 1797 г.) фактиче-

ски провел в путешествиях. Лангсдорф полюбил Бразилию, по завершении экспедиции думал поселиться в ней навсегда и, более чем на век опережая свое время, как мог стремился преобразовать ее, памятуя, что император Педру I недвусмысленно побуждал к этому путешественника.

Как некогда на Камчатке, Лангсдорф разработал целую серию разнообразных проектов. Так, он с поразительной точностью нашел место для новой столицы Бразилии, расположенной ближе к ее географическому центру, предложил основать ее близ нынешнего Белу-Оризонти и всего (!) в 600 км от современной Бразилиа. Не будем забывать, что ученый ориентировался при этом на близость судоходных рек: век авиации был еще впереди. Ему принадлежит проект основания в Минас-Жерайсе в 1824 г. первого в стране университета, тогда как предшественник Федерального университета в Рио-де-Жанейро и Университет Сан-Паулу появились, соответственно, в 1920 и 1934 гг. Лангсдорф ратовал за установление новых, гуманных, основанных на взаимном обогащении культур отношений с индейцами, развитие старых и строительство новых провинциальных центров (таких, как Сан-Жозе в Минас-Жерайсе, Пирасикаба и Камапуан в провинции Сан-Паулу, Бананал ду Леме в Мату-Гросу), за усовершенствование денежного обращения и добычи алмазов, выступал против практики выжигов и неограниченного доступа иностранного капитала в районы добычи полезных ископаемых (например, в Гонго-Соко в Минас-Жерайсе), доказывал бесспорную ныне необходимость защиты редких животных и научного использования растительного мира. Путешествия, а тем более транспортировка товаров по территории Бразилии, представляли тогда огромные трудности. Ученый советовал усовершенствовать навигацию между Порту-Фелис и Куябой, а также построить в 30 км от Диамантину на Риу-Прету новый порт, связанный с этим населенным пунктом хорошей дорогой, чтобы оттуда можно было легче добраться до амазонского г. Сантарен. Особое внимание он обращал на использование в целях судоходного сообщения рек Пекири, Сукуруи, Аринус и др. Между тем, администрация костной, рабовладельческой страны не спешила реагировать на проекты ученого.

Не случайно еще в декабре 1827 г. Лангсдорф писал в дневнике: «Генерал-губернатор Сибири пригласил меня пожить продолжительное время в Тобольске и дать ему некоторые сведения о Камчатке и других отдаленных частях Сибири, о которых он мог получить только односторонние сведения от чиновников. Благодаря этому появились различные записки и как их результат изменения, послужившие на благо тех областей, способствовавшие благосостоянию жителей и выгоде государства. Я думал, что в мои зрелые годы получу благодарность властей Бразилии за то, что обратил их внимание на важность улучшений, – не без горечи констатировал он, – но ничего не последовало в ответ на все мои предложения» (36).

14 апреля, в день отплытия от встретившегося на пути экспедиции селения индейцев племени апиака Лангсдорф отметил в дневнике: «Во время нашего пребывания здесь были больны Рубцов, Флоранс, я, охотник Роберту, чучельник Жуан Каэтану, лоцман Карвалью, попутчик Жоакинзинью... повар Кавиан, проводник и много людей из команды» (37). Позднее Рубцов в своем официальном отчете, черновик которого сохранился, писал: «Начальник экспедиции, несмотря на болезнь свою, неусыпно пекся о здоровье каждого и по приходе к жилищу индейцев, вида, что старания его больным мало помогали, то таковое положение заставило Григория Ивановича Лангсдорфа при всей жестокости болезни его много беспокоиться, а через то, как кажется, он делался слабее» (38). Из 34 человек, входивших в отряд, больны были 19, а из 15 работоспособных семеро только что оправившись от лихорадки. К вечеру того же дня ученому стало хуже и он впервые надолго впал в беспамятство.

Несмотря на свою болезнь, Лангсдорф сумел тогда серьезно поправить здоровье художника Флоранса, остававшегося трудоспособным до самого конца экспедиции. Француз, уроженец Ниццы Эркюль Флоранс (1804–1879) прибыл в Бразилию в 1824 г. и навсегда остался на своей новой родине. Вернувшись из экспедиции, он поселился в г. Сан-Карлос (ныне Кампинас), в провинции Сан-Паулу, стал кофейным плантатором и отцом многочисленного семейства: от двух браков у него было двадцать детей, образовавших ныне многотысячный бразильский род Флорансов. Это был человек исключительных по глубине и разносторонности, буквально винчианских дарований, счастливо сочетавший потенции деятеля искусства и ученого. В период экспедиции он не только выполнил множество рисунков и вел дневник, превращенный впоследствии в отличающееся литературными достоинствами и популярное в Бразилии описание путешествия по ее внутренним регионам, но и записывал нотными знаками голоса животных, т. е. положил начало зоофонии, предшественнице современной биоакустики. Один из первых паулистов, занявшийся журналистикой, педагог, основавший в Сан-Карлосе школу для девочек, Флоранс продолжал уделять много внимания живописи,

оставив значительное художественное наследие, отмеченное стремлением к экспериментальной передаче различных оттенков света. Архив художника свидетельствует, что он также глубоко изучал проблемы механики, физики, химии. В 1833 г. независимо от европейских изобретателей и в целом раньше их он заложил основы фотографии, что ныне признано в мире (39). В Кампинасе есть площадь, в центре которой установлен бюст Флоранса как ее изобретателя.

Очнувшись Лангсдорф лишь на четвертые сутки, 18 апреля, в день своего рождения, но к вечеру снова потерял сознание. «Опять двухдневная лагуна. Два несчастных дня, – писал ученый в дневнике 20 апреля. – Мое тело и душу я отдал в руки всемогущего Бога. Я не думал, что переживу вчерашний день. В течение двух дней я лежал без памяти, в бреду. Единственным утешением было замечать в минуты просветления дружеское участие и внимание моих спутников Рубцова и Флоранса... После того как два человека едва могли держать меня на ногах, сегодня я снова господин своего тела, но не духа» (40). Впоследствии, вспоминая, очевидно, именно эти дни, Рубцов писал: «Григорий Иванович день за днем становился хуже, и я даже не имел надежды прибыть с ним в город Сантарен. Он, чувствуя то же самое, призвав меня, объявил, что жизнь его непродолжительна, препоручив мне заниматься в его должности и все вещи, принадлежащие к натуральной истории, отослать в С.-Петербург» (41).

23 апреля лодки экспедиции вошли в р. Журуэну, а на следующий день Лангсдорф впал в беспамятство без малого на три недели. 6 и 7 мая, после обноса огромного водопада Салту-Аугусту, два тяжелых, бравших на борт до 200 пудов груза каноэ были при спуске на воду непоправимо повреждены. Пришлось стать лагерем, чтобы изготовить хотя бы одно каноэ. «С божьей помощью я живу и могу взяться за перо, однако не могу описать историю болезни, – отметил ученый в дневнике 13 мая. – С 24 апреля я большей частью днем и ночью лежал без памяти в фантастических сновидениях. У меня есть лишь несколько минут в день, когда сознание возвращается ко мне, чтобы попытаться самому или просить других приготовить лекарства, необходимые в моем случае» (42). Долго оставаться в сыром тропическом лесу при почти непрерывных дождях было крайне опасно, и Лангсдорф торопил людей. Его состояние было ужасным. «Слабый духом и телом, я сижу здесь и меньше всего могу сказать, что я живу, я в сильной лихорадке», – записал он 16 мая (43).

Новое каноэ было наконец закончено и спущено на воду. Это было 20 мая. Лангсдорф понимал, что главное теперь было добраться до Сантарена и там подождать Риделя. «Наша провизия убывает на глазах, мы должны ускорить наше движение, – писал ученый в этот день слабой, плохо слушавшейся его рукой. – Мы должны пройти водопады и еще многие опасные места на реке. Если захочет Бог, то сегодня мы продолжим наш путь. Провизия уменьшается, но у нас есть еще порох и дробь» (44). Больше Лангсдорф не обращался к своему дневнику. Новый приступ лихорадки помутил рассудок ученого. Флоранс с ужасом заметил у него «потерю памяти о недавних событиях и полный беспорядок мыслей» (45). «Начал он мешаться в разуме», – вспоминал позднее Рубцов (46).

Уже из Белена, расположенного в устье Амазонки, Рубцов в рапорте К. В. Нессельроде от 28 октября 1828 г. так описывал состояние Лангсдорфа: «Июля 1-го числа прибыли мы в город Сантарен, где он совсем помешался в разуме, даже не знал, где находится и что кушает. Во все время нашего пребывания в городе Сантарен был при нем доктор, но все старания были тщетны. Августа 31-го числа отправились к городу Пара (Белен. – Б. К.), куда октября 16-го числа прибыли. Здесь Григорий Иванович поправляется в здоровье, но только не можно надеяться (как по старости его лет), чтобы мог быть в прежнем разуме» (47). Во втором рапорте астронома министру иностранных дел от 18 апреля 1829 г. уже из бразильской столицы, куда экспедиция прибыла морском путем из Белена, есть такие строки: «В продолжении вояжа морской воздух Григорию Ивановичу был полезен, и все, что случилось с ним прежде сего путешествия обстоятельно рассказал, но что касается с 3-го сентября 1825 г. (т. е. дня отплытия из Рио-де-Жанейро в Сантус. – Б. К.) до сего времени ничего не помнит. Случаясь иногда говорить об оном, всегда отвечал ничего не помнит» (48).

Амнезия стала с тех пор постоянной спутницей Лангсдорфа. Вылечив многих, он оказался бессилен перед одолевшим его недугом. Время, которое ученый неизменно торопил, навсегда остановилось для него (49). Болезнь Лангсдорфа как бы вынесла свой «приговор» всем тем в Бразилии, кто с вопиющим безразличием относился к искренним стремлениям путешественника сделать их родину сильнее и лучше: они были им навсегда забыты, но, увы, вместе со своей страной, которой он бескорыстно отдал столько сил и энергии.

Проведя в вынужденном бездействии без малого четверть века, Лангсдорф скончался 17 (29) июня 1852 г. во Фрейбурге. «Он посвятил свою жизнь исследованиям и действительно пал как герой на поле битвы», – справедливо писал об ученом автор одного из некрологов (50).

1. *Комиссаров Б. Н.* Из века Просвещения – в XXI век (Значение наследия Г. И. Лангсдорфа) // Человек в истории : сб. матер. V ежегодной науч.-теорет. конф. 22–23 дек. 2005 г. Вып. 4. Социально-этнические процессы в микро- и макросторнии. Петропавловск-Камчатский, 2006. С. 235–243.

2. *Callisen A. C. P.* Medicinisches Schriftsteller-Lexikon der jetzt lebenden Aerzte, Wundärzte, Geburtshelfer, Apotheker, und Naturforscher aller gebildeten Völker. Bd. 11. Copenhagen, 1832. S. 52–53; Bd. 29. Copenhagen, 1841. S. 444–445; Biographisches Lexikon der hervorragenden Ärzte aller Zeiten und Völker / Herausgegeben von Dr. A. Hirsch. Bd. 3. Berlin, 1931/ S. 674.

3. *Langsdorff G.* Phantasmatum sive machinarum ad artis obstetriciae exercitia facientium vulgo Fantôme dictarum brevis historia. Dissertatione inaugural delineate, etc. Gottingae, [1797].

4. *Observações sobre o melhoramento dos hospitaes em geral dedicadas ao illustrissimo e excellentissimo senhor Luis Pinto de Sousa Coutinho por Jorge Henrique Langsdorff...* Medico do Hospital da Nação Allema em Lisboa etc... Lisboa, 1800.

5. *Langsdorff G.* Nachrichten aus Lissabon über das weibliche Geschlecht, die Geburten und Entbindungskunst in Portugal. Lissabon, 1800.

6. *Левеништерн Е. Е.* Вокруг света с Иваном Крузенштерном / сост. А. В. Крузенштерн, О. М. Федорова, Т. К. Шафрановская; / пер. с нем. Т. К. Шафрановской. СПб., 2003. С. 32.

7. Там же. С. 33

8. Там же. С. 94.

9. *Толстой С. Л.* Федор Толстой Американец. М., 1990; *Поликовский А.* Граф Безбрежный. Две жизни Федора Ивановича Толстого-Американца. М., 2006; *Филин М.* Толстой-Американец. М., 2010; *Архангельская Т. Н.* «На свете нравственным загадка». Ф. И. Толстой-Американец: страницы жизни. Тула, 2010.

10. *Кругосветное путешествие нескольких японцев через Сибирь сто лет назад / пер. и предисл. В. Турковского // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1898. Т. 73. № 7. С. 208.*

11. *Комиссаров Б. Н.* Григорий Иванович Лангсдорф. 1774–1852. Л., 1975. С. 34.

12. *Сочинения и переводы Василия Михайловича Головнина. Т. V. СПб., 1864. С. 159; Комиссаров Б. Н.* К вопросу о предыстории японского пленения В. М. Головнина (Н. П. Резанов, Н. А. Хвостов, Г. И. Давыдов и печальный эпизод в российско-японских отношениях 1806–1807 годов) // Российская действительность XIX–XX вв. и революционный процесс. СПб., 2013.

13. *Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К.* Неизвестная рукопись академика Г. И. Лангсдорфа о Камчатке (К 200-летию со дня рождения ученого) // Страны и народы Востока. Вып. XVII. Страны и народы Тихого океана. Кн. 3. М., 1975. С. 113.

14. Там же. С. 113–114.

15. *Комиссаров Б. Н.* Роль Г. И. Лангсдорфа в становлении Петропавловска как столицы Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000.

16. *Лазарев А. П.* Плавание вокруг света на шлюпе «Ладога» в 1822, 1823, 1824 гг. СПб., 1832. С. 29, 36, 40; *Завалишин Д.* Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» в 1822–1825 гг. под командою Михаила Петровича Лазарева // Древняя и новая Россия. 1877. № 7. С. 211; Московский телеграф. 1825. Ч. 4. № 14. С. 178.

17. *Cortes C.* Uma luz no passado de Langsdorff // Jornal do Brasil (Rio de Janeiro) / 8. X. 1991.

18. *Langsdorff G. G.* von. Rede, gehalten am Bord des Schiffes “Doris” von Bremen, beim Einlaufen in den Hafen von Rio Janeiro den 3. Mars 1822. Wiesbaden, Schellenberg, 1824.

19. *Os Diários de Langsdorff. Vol. I. Rio de Janeiro e Minas Gerais. 8 de maio de 1824 a de fevereiro de 1825 (далее – DLI). Vol. II. São Paulo. 26 de agosto de 1825 a 22 de novembro de 1826 (далее – DLII). Vol. III. Mato Grosso e Amazônia. 21 de novembro de 1826 a 20 de maio de 1828 (далее – DLIII). Organizador Danuzio Gil Bernardino da Silva. Editores: Bóris N. Komissarov e outros. Campinas, Rio de Janeiro, 1996–1998.*

20. Речь идет о средствах против базедовой болезни (тиреотоксикоза) (DLI, p. 142, 152, 160, 215, 326, 343; DLII, p. 60), ревматизма (DLI, p. 112–114), астмы (DLI, p. 112–114), лихорадки (DLI, p. 112–114, 215), кашля (DLI, p. 215), цинги (DLI, p. 112–114, 215), сифилиса (DLI, p. 112–114). В дневниках Лангсдорфа мы находим также такие средства, как рвотные (DLI, p. 91–93), отхаркивающие (DLI, p. 215), слабительные (DLI, p. 96, 112–114), потогонные (DLI, p. 112–114), способы лечения укусов различных змей (DLI, p. 42–43, 112–114, 215, 221–223), методику заживления ран (DLI, p. 155).

21. DLI, p. 112–114, 326.

22. *Eschwege W. L.* von. Journal von Brasilien oder neue Nachrichten aus Brasilien. Heft I. Weimar, 1818. S. 275; *Spix J. und Martius K. F.* Ph. Reise in Brasilien in den Jahren 1817 bis 1820. Bd. I. Munchen, 1823. S. 306–307.

23. DLI, p. 109–111, 246–247.

24. Петербургский филиал Архива РАН (далее – ПФА РАН). Ф. 1. Оп. 2 (1825). Д. 21. § 220. Л. 1–3 об.; (1826). Д. 29. § 326; П. I. Оп. 129. Д. 12. Л. 1–4; Ф. I. Оп. 2. Д. (1828. § 295, черновик: Ф. 63. Оп. 1. Д. 46. Л. 58–59;

- Ф. 1. Оп. 1а. Д. 37. § 326; Ф. 63. Оп. 1. Д. 46. Л. 5–6, 42–45, черновик и перевод в Архиве внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ); Ф. Адм. дела. П-21. 1821 г. Д. 5. Л. 81–86об., 110–111 об., 195–196об.; ПФА РАН. Ф. 63. Оп. 1. Д. 46. Л. 66–70об., 73–75; Д. 29. Л. 52–55; АВПРИ. Ф. Адм. дела. П-21. 1821 г. Д. 5. Л. 204–205, 212.
25. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 19–63.
26. *Langsdorff G.* 1) Radix Caincae, die Wurzel der Chiococca racemosa Mart. Gegen Wassersucht // notisen aus dem Gebiete der Natur – und Heilkunde; von L. von Froriep. Nov., N 249. Erfurt-Weimar, 1825. S. 111; 2) Kurze Bemerkungen uber Anwendung und Wirkung der Cainca-wurzel. Rio de Janeiro, 1827.
27. *Завалишин Н.* Пребывание в Рио-Жанейро. Из путевых записок морского офицера 1826 и 1827 гг. // Сын Отечества. 1829. Т. III. Ч. 125. С. 281–293.
28. DLII, p. 229.
29. Expedição Langsdorff. Centro Cultural Banco do Brasil. – 2010. São Paulo, 23 de fevereiro a 25 de abril; Brasília, 10 de maio a 18 de julho; Rio de Janeiro, 2 de agosto a 26 de setembro. Rio de Janeiro, 2010. [Парал. на англ. яз.]. P. 14–35, 195–245.
30. A New General Atlas by A. Arrowsmith. London – Edinburgh, 1817. LIII (South America); Süd America aus den zuverlässigsten Nachrichten und bewährtesten Bestimmungen entworfen v. G. G. Reichard. Weimar, 1817.
31. *Крылова О. В., Герасимова Т. П.* География материков и океанов. 7 класс. Учебник. М., 1998. С. 152; *Душина И. В., Коринская В. А., Щенев В. А.* География. Наш дом – Земля. Материки, океаны, народы и страны. 7 класс: учебник. 10-е изд. М., 2005. С. 164; *Коринская В. А., Душина И. В., Щенев В. А.* География материков и океанов. 7 класс : учебник. М., 2007. С. 168; *Душина И. В., Коринская В. А., Щенев В. А.* География. Материки, океаны, народы и страны. 7 класс : учебник / под ред. В. П. Дронова. М., 2009. С. 147; *Крылова О. В.* География. Материки и океаны. 7 класс : учебник. М., 2009. С. 176.
32. *Комиссаров Б. Н.* 1) «Лангсдорф – XXI век»: экологический проект для России и Бразилии // «О Камчатской земле написано...»: матер. XXIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2006. С. 129–133; 2) В полосе приграничья (между новым и постновым временем): как затормозить движение в техноген // Цивилизация: вызовы современности / под ред. М. С. Уварова. СПб., 2009. С. 209–224; 3) По Камчатке маршрутами Г. И. Лангсдорфа // Пятые Международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения : материалы. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 145–148; 4) Международный культурно-экологический проект «Лангсдорф – XXI век» в 2010–2011 гг. и место в нем Камчатского края // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...»: матер. XXVIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 107–111; 5) *Komissarov B. N.* “Projeto Langsdorff Seculo XXI” e desenvolvimento das relações russo-brasileiras (1828–2008) // Brasil – Rússia: história, política, cultura / org/ Alexander Zhebit. Rio de Janeiro, 2009. P. 179–188.
33. DLIII, p. 246.
34. ПФА РАН. Ф. 63. Оп. 1. Д. 8. Л. 32об.
35. DLIII, p. 256.
36. Ibid., p. 159–160.
37. Ibid., p. 266.
- 38 [Рубцов Н. Г.]. Путешествие Лангсдорфа в Южную Америку в 1820-х годах // ПФА РАН. P. IV. Оп. 1. № 1012. Л. 77 об.
39. *Kossov B.* Hercules Florence, 1833: a descoberta isolada da Fotografia no Brasil. São Paulo, 1980.
40. DLIII, p. 271.
41. АВПРИ. Ф. Адм. дела. П-21, 1821. Д. 5. Л. 232об.
42. DLIII, p. 275.
43. Ibid., p. 277.
44. Ibid., p. 278.
45. *Florence H.* Viagem fluvial de Tieté ao Amazonas de 1825 a 1829. São Paulo, 1948. P. 305.
46. АВПРИ. Ф. Адм. дела. П-21. 1821. Д. 5. Л. 232об.
47. Там же. Л. 232–233об.
48. Там же. Л. 234об., 235об.
49. Попытку разобраться в природе психического заболевания Г. И. Лангсдорфа предпринял один из потомков Эркюля Флоранса бразильский психиатр Др. Франсиско А. Флоранс Нето. См.: Florence Neto F. A. Uma observação sobre a doença mental de Langsdorff // Boletim do Centro de Memória UNICAMP. Vol. 3. N 6. Jul. / Dez. P. 11–20.
50. *Waldbuhl W.* Georg Heinrich von Langsdorff // Neuer Nekrolog der Deutschen. Bd. 30. Weimar, 1852. S. 441–442.

С. А. Корсун
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
А. С. ФОРШТЕЙНА НА ЧУКОТКЕ

Одним из учеников основоположника советской этнографической школы Владимира Германовича Богораза (1865–1936) был Александр Семенович Форштейн (1904–1968), в 1927–1929 и 1929–1933 гг. он провел полевые исследования среди азиатских эскимосов и чукчей.

Родился А. С. Форштейн в г. Марселе во Франции в семье эмигрантов из России. Уже в детстве он говорил на французском, английском и русском языках. В 1911 г. вместе с родителями вернулся в Россию. В 1926 г. А. С. Форштейн поступил на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского государственного университета. Прочувшись в университете в течение года, в возрасте 23 лет он выехал на Чукотку для проведения полевых исследований. Н. И. Гаген-Торн сообщает:

«А. С. Форштейн с 1926 (с 1927. – С. К.) по 1929 г. работал на Чукотке, где занимался организацией школы. Он объехал поселки азиатских эскимосов, изучил их язык, был принят в род. В 1930–1931 гг. Форштейн жил на Шелакском мысу, в 1931–1932 гг. – в низовьях Колымы. Все это время он вел как теоретическую, так и практическую просветительскую работу» (3, с. 144).

Планировалось, что по прибытии на Чукотку А. С. Форштейн займет должность руководителя школы чукотского пос. Уэлен, но оказалось, что эта вакансия занята Петром Яковлевичем Скорником (1906–1985). О педагогической работе А. С. Форштейна среди эскимосов, но без упоминания его фамилии, писал Георгий Алексеевич Меновщиков (1911–1991):

«В 1927/28 учебном году в эскимосских поселках Наукан, Чаплино, Урелики и Имтук впервые организуются начальные школы. Первые русские учителя, приехавшие с “Большой земли”, несмотря на то, что эскимосы с большой охотой и радостью отнеслись к организации школ в их поселках, сталкивались в своей работе с неимоверными трудностями при организации школьного дела.

В эскимосских селениях Имтук и Урелики не было в то время даже школьных помещений, и детей приходилось обучать в пологе, где одновременно находились все члены семьи. Учащиеся обычно садились на кожаный пол полога в два-три ряда. При этом сидящие в первом ряду писали на маленьких ящиках из-под патронов, а те, кто располагался сзади, пристраивали тетради на спинах своих товарищей. От жирников сильно пахло, в пологе становилось душно, поэтому как учащиеся, так и учитель быстро уставали. Но, несмотря на трудности, работа в школе не прекращалась» (10, с. 137–138).

По данным И. И. Крупника и Е. А. Михайловой, большую часть 1928 г. А. С. Форштейн провел в сел. Унгазик на м. Чаплино. Отсюда он совершил несколько кратковременных поездок в соседние эскимосские поселки. Зимой и летом он побывал в селении Сиклюк, весной ездил в поселки юго-восточной Чукотки – Имтук и Сиреники. В 1927 или 1928 гг. он предпринял поездку на север в сел. Наукан на м. Дежнева и в сел. Имаклик, расположенное на о. Ратманова (Большой Диомид) в Беринговом проливе (8, с. 202–205).

А. С. Форштейн собрал интересную коллекцию по традиционной культуре азиатских эскимосов и сделал более 140 фотографий. В настоящее время в фондах отдела Сибири Музея антропологии и этнографии (МАЭ) находятся этнографические коллекции А. С. Форштейна по азиатским эскимосам – № 4211, переданная в 1929 г., и № 5417, переданная в 1936 г., а также фотоиллюстративная коллекция № И-429 (11, с. 278). И. И. Крупник и Е. А. Михайлова ввели в научный оборот иллюстративную коллекцию № И-115 (8, 9). В фонде отдела Америки МАЭ хранится украшенная бисером сумка американских эскимосов, которую А. С. Форштейн получил в 1928 г. в подарок от эскимоса Панауи – жителя сел. Унгазик (№ 5116). Она поступила в музей в 1933 г.

О вторичном прибытии А. С. Форштейна на Чукотку в 1930 г. сообщается в заметке, помещенной в журнале «Советский Север»:

«Комитет Севера при Президиуме ВЦИК и кафедра палеоазиатских языков получили несколько радиogramм и писем, отправленных с парохода “Колыма” на его трудном пути между льдами Северного Ледовитого океана к устью р. Лены.

Эти сообщения отправлены молодыми этнографами, получившими образование на этноотделении б. Геофака, ныне Ленингр. Историко-лингвистический институт (ЛИЛИ).

Из них А. С. Форштейн и К. М. Форштейн (Мыльникова) высадились на мысу Шелакском. Они намерены в течение трех лет производить всестороннее изучение племени чукоч в районе Чаунской губы. Они предполагают в первый год откочевать вглубь тундры вместе с чукчами, ор-